Красное Знамя
г. Сыктывкар
29 ДЕК 1968

ТРУДНОЕ ИСКУССТВО ШУТКИ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АКТЕРА

Актерская душа, каждый вечер выкладывающаяся на подмостках естественно, легко и как бы шутя,— что за ней? Сосредоточенность, следящая за развитием характера? Труд? Поиски средств выражения? Озарение?

Когда видишь Леонарда Ильчукова на сцене, телевизионном экране или слышишь его голос в радиопередаче, тебя не покидает ощущение, что этим актером движут прежде всего любовь к своему делу и увлеченность, легкая, радостная, искренняя, заразительная. Кажется, без всякого труда актеру достаются расположение и аплодисменты взыскательного зрителя. И нельзя, кажется, представить спектакль без Ильчукова, занятого в комической роли, с его характерным голосом, с его легкими опереточными па, с его прирожденным даром смешить.

Природный ли это дар? Нам кажется, что это именно так.

...15-летний Леня Ильчуков все свое время проводил в театральном кружке Дворца пионеров. Ему нравился руководитель кружка Бутиков, комический актер.

Затем — самодеятельность, откуда в годы войны Леонард был взят в студию при театре.

В Коми национальном театре студиец Ильчуков выступил в 1942 году, когда труппа А. Улитина — ядро Объячевского колхозно-совхозного театра,— проводившая мужчин на фронт, нуждалась в актерах.

25 лет актерской карьеры. И это в 40 лет!

Много находчивости требовали от него острокомедийные роли в оперетах Милютина, Кальмана, Сандлера, Оффенбаха. Ильчуков—Рамон, Броневой, Мишка Япончик, Наташин, Тони—острит или жалостно развенчивает своих героев, приносит нам радость своим смехом.

Как правило, искусству Ильчукова-комика чуждо дешевое трюкачество. Он видит в образе прежде всего характер, логику его развития. Его Тони, в «Принцессе цирка» вызывает улыбку и сострадание. Он непосредствен, но горд, когда его унижают аристократы. Узурпированный властной и пошлой матерью, взрослый ребенок Тони предъявляет иск на свои человеческие права. Совершив независимый поступок, он с трудом высвобождается из-под материнской воли, но социальных пут ему не преодолеть и «в люди» не выбиться, при первой же попытке его ставят на место. Но его герой не никнет. Он, всемерно стараясь сохранить достоинство, удаляется с неуловимой грустью в глазах. В игре артиста душевная драма его комического героя обретает краски настоящей человеческой драмы. Разыгрывается трагикомедия — жанр, многими признаваемый сегодня наиболее современным.

Средства выразительности как бы приходят к нему сами, когда по логике, шаловливый и доброжелательный, доверчивый и наивный, восторженный и рассеянный, сын «эрцгерцога» Тони вдруг ощущает социальную неполноценность всей своей семьи и себя. Нечто среднее между смущением, оскорбленностью и униженностью, которое находит актер, и кажется здесь наиболее подходящим способом выражения. Ведь не только слово может быть средством воздействия актера на зрителя и на партнера. Жест, мимика, движение тела, сопровождающие это слово,— активность актера в совокупности многих качеств делает его не просто исполнителем, но и соавтором спектакля. Так происходит во многих спектаклях.

Вспомним одну из премьер прошлого года — оперетту О. Сандлера и Г. Плоткина «На рассвете». Безусловно, в ней роль Мишки Япончика—«короля Молдаванки» — стала стержнем сюжета. Тоскующе озабоченным показывает нам своего героя артист. Комический облик налетчика складывается не только из пестрого костюма и танцующей походки — внешних примет характера. Актер строит психологически верный портрет Мишки, показывая корни уверенности бандита. Нахально обираемое им дворянство, по словам Мишки, «забрехалось», проиграло свою игру. Артист выражает удивление героя, прожженного вора и авантюриста, перед теми, кто «при такой бедности держит большую гордость», бескорыстно и самозабвенно завоевывая новый мир. И вся рисковая жизнь Мишки Япончика блекнет в его собственных глазах перед непонятной энергией этих людей.

«Моя прекрасная леди», «приспособленная» американцем Лоу для музыкальной сцены пьеса Б. Шоу «Пигмалион» — одно из самых легких, изящных и веселых произведений мировой драматургии. В этом спектакле Л. Ильчуков играет отца героини. В мусорщике Дулитле социальной системой заморожены все проявления творчества. Безответственность и пьянство — своего рода формы его отчаяния. Дулитл развращен нищетой. Он горд ею, считая, что премьер-министры и проповедники ведут собачью жизнь. Попрошайка и бездельник, он научился извлекать из своего положения материальные и моральные выгоды.

Мастерство, с которым Дулитл, старый пропойца, пускает в оборот этот своеобразный «капитал», составляет один из источников комедийной остроты его образа. Ильчуков верно находит его и верно воплощает. Презирая господствующую мораль, Дулитл тем не менее умеет пользоваться ее формулами, когда этого требуют его «деловые» интересы. Его цинизм доходит до грации.

Прожженный плут Дулитл у Ильчукова не лишен обаяния. Он живой, в нем бодрствует сознание, он обладает подобием «духовной свободы» и уверен в этом. Он обладает даром убеждения и ораторства, щеголяя своими лохмотьями и тонким пониманием политики. Дулитл у Ильчукова смешон и блистателен, жалок и преисполнен собственного достоинства и сознания своей правоты и презирает тех, кто не люмпен. Легкого, очаровательного и в то же время отчаянно делового, влюбленного в Москву и закруженного ее веселыми людьми кинооператора Шульца играет Л. Ильчуков в спектакле «Девушка с голубыми глазами». Непосредственность чувств, искренность игры, открытость, всегда свойственные артисту, в этом спектакле особенно обнажены. И нигде он так не «универсален» и не органичен, как здесь.

Вот он одурачен Таней, вот он вдохновенно поет свои куплеты, незаметно и легко переходящие в лихой танец, вот он жалеет своего господина. Вот он шутит, но снова одурачен. Вот он грустит при расставании и уже поставлен продюсером на место: он носильщик...

Шульц благодарен. Шульц устал. Вот Шульц слушает гневно и молча. С поникшей головой. Что может быть страшнее, подлее, бесчеловечнее, чем роль его господина — фашиста в прошлом? И вот послушный Шульц отчетливо говорит ему в глаза: «Вы есть негодяй». Пощечина господину. Думает ли Шульц о своем будущем, которое всего в двух часах полета,— возвращении на родину?

Все эти перевоплощения артиста происходят не сами по себе, не втуне. Каждую секунду готовый откликнуться на игру актера, зал с восхищением и замиранием следит за движениями и словами артиста, который умеет держать его внимание не маской циркового комика и не только знанием технологии — как смешить, но раскрытием внутреннего мира своего героя.

Ильчуков владеет искусством непринужденного разговора, импровизации, ему свойственно обаяние доброты, и он очень редко несимпатичен на сцене.

Творческая природа этого артиста — шутка. Шутка—признак силы, мерило жизнеспособности. Но шутка требует души и ума. Артист умеет совместить это в своем искусстве, неуловимом и хрупком искусстве комика.

В. ЛАТЫШЕВА.

НА СНИМКЕ: **Л. Ильчуков** в роли Тони в спектакле «Принцесса цирка».

Фото **Н. Чумбарова.**